Епископ Бачский Ириней: Раскол – не административная проблема, а тяжкий грех

*Иерарх Сербской Православной Церкви епископ Бачский Ириней дал **газете «Печат»** (Сербия) **интервью**, в котором, в частности, коснулся актуальных тем церковной жизни и межправославных отношений в свете событий, вызванных неканоническими шагами Константинополя, а также ситуации в Черногории и Северной Македонии и иных тем.*

Ниже приводится перевод на русский язык ряда ответов епископа Иринея.

– Минувший год был полон испытаний не только для Сербской Православной Церкви, но и для всего Православия. Мы являемся свидетелями того, как политика вновь неумолимо вмешивается в священный церковный порядок, как отдельные политические силы на мировой политической сцене пытаются регулировать этот порядок, исходя из своих потребностей, а точнее, из своих геополитических планов. Православие стремилось бороться с такими явлениями в XX веке, и ему это удавалось. Может ли этот опыт помочь в новых обстоятельствах?

– Мне кажется, что Вы говорите об этой большой проблеме, в слишком, может быть, смягченной форме, а ведь уже давно всем известно, о чем именно здесь идет речь. Мы об этом разговаривали и накануне прошлого Рождества, и я в общих чертах определил проблему на трех уровнях – как неканонические поступки Константинопольского Патриархата на канонической территории Московского Патриархата и, вследствие этого, проблему нарушения отношений в православной вселенной в целом, и, наконец, как серьезную угрозу подлинности свидетельства вселенского Православия о себе как о Церкви и перед инославными христианами, и перед верующими других религий.

За прошедшее время лишь раскрывалось то, что мы предполагали или о чём догадывались, поскольку действующие лица больше не чувствуют необходимости что-либо скрывать: в публичном режиме, под вспышки фотокамер, документирующих события, высшие чиновники американской администрации посещают православных Первоиерархов и архиереев, встречаются с игуменами древних монастырей и открыто требуют от них присоединиться к Константинопольскому Патриархату в его очевидных нарушениях устройства и канонического порядка Православной Церкви.

В этом, хотя бы по видимости и на данный момент, они имеют определенный успех:

Александрийский Патриархат и Элладская Церковь признали ложную «Церковь Украины». К сожалению, не исключено, что к ним присоединится еще какая-нибудь Поместная Церковь. Фанарским архиереям и этого мало, и потому на территории Православной Церкви Чешских земель и Словакии они, вроде, основали некую организацию граждан, настоящей целью которой может стать в ближайшее время учреждение параллельной иерархии. Значит, Киев – не конечный пункт, а лишь промежуточная остановка. То обстоятельство, что они создают параллельную иерархию на исторических территориях автокефальных Церквей, означает, что даже вся православная диаспора не является их конечной целью. Чего они намерены добиться в итоге, думаю, они и сами пока не знают.

Случалось иногда, и ныне бывает, что отдельные лица или группы в какой-либо из Поместных Церквей ошибаются, отдавая предпочтение интересам партийной или, чаще, государственной политики над интересами Церкви, имея или не имея при этом иллюзий о совпадении этих интересов.

Но такое, чтобы одна из Поместных Церквей, хоть и являющаяся первой по чести и рангу, украшающая себя названиями Вселенского Патриархата или даже Матери всех Церквей, представляла угрозу для организма какой-то из Поместных Церквей, Матерью которых она себя считает, – это действительно явление небывалое в христианской истории. Кстати сказать, Церковь, получившая автокефалию, уже не «дщерь», а равноправная сестринская Церковь, как и написано в каждом Томосе об автокефалии. Но это явление, хоть оно и небывалое, не должно лишать нас присутствия духа. И к встрече с ним мы должны быть готовы.

Наша Поместная Церковь и наш народ преодолели все испытания, которые выпали на нашу долю за последние восемь веков. Достаточно упомянуть лишь те из них, что имели место в XX веке. Великие мировые войны, геноцид, а потом, более чем на полстолетия, – диктатура, которая и сама являлась своеобразным рабством. В прошлом веке казалось, что всё связанное с Церковью и верой близится к своему концу и полному исчезновению. Этого, милостью Божией, не случилось. Напротив: это немощное, непрестижное, слабое, то, что выглядело превзойдённым, устаревшим, презренным, безжизненным, великое число людей носило глубоко внутри себя, хранило и сохранило. Не можем сказать, что испытания тех лет не были значительными или что они были слабее тех, которые мы переживаем сегодня.

– Давление могучих мировых держав на Православие в наши дни обрело новую энергию и силу. Аналитики говорят, что религия играет ведущую роль в новой холодной войне между Западом и Россией. Как это объяснить? Почему Православие признано опасностью для держав, которые уже правят миром?

– Не уверен, что для держав, которые правят миром (или просто верят, что правят), Православие имеет большее значение, чем неисчислимые ресурсы за Уралом, причём не только газ и нефть, но также руды, а в особенности – пригодная для питья чистая вода, которая является важнейшим и самым драгоценным ресурсом будущего. Не знаю, стремятся ли они уничтожить исламский мир или, разжигая столкновения, манипулировать суннитско-шиитским антагонизмом ради контроля над месторождениями нефти и газа. О последнем говорится уже открыто – Трамп, который нам, сербам, кажется святым по сравнению с массовыми убийцами сербства Клинтоном и его командой, искренне и без маскировки заявляет: «Мы контролируем нефть, запомните! И мы хотим это положение сохранить». Речь идёт о жадности гигантских масштабов. Власть имущие вдаются в различия между римо-католиками, протестантами, православными или представителями нехристианских религий тогда и исключительно тогда, когда видят возможность вызвать столкновения и разногласия между ними, способные послужить удовлетворению собственной жадности. Жадность – это их единственная религия. Правда, независимо от могущества и богатства, они не смогли бы вызвать нынешний кризис в православном мире, если бы не нашли соответствующих «инсайдеров», жаждущих власти пособников, а конкурс на эту роль по-прежнему открыт, причём не только на Босфоре, но и в других местах.

Роль Православия в столкновении России и Запада проявляется, по меньшей мере, в двух моментах. С одной стороны, учитывая значительное сходство политических систем в Соединённых Штатах Америки и России, западные элиты ощущают необходимость навязывания общественному мнению идеологического стереотипа, который бы заменил коммунизм в роли дежурного пугала. С другой стороны, со вступлением Президента Путина во власть в российском государстве начала восстанавливаться роль, которую Церковь имела до октября 1917 года. Это очевидно во многих сферах общественной и частной жизни, что я сам могу подтвердить, бывая время от времени в гостях у Русской Православной Церкви. Западу, вероятно, больше всего мешает сильная связь Церкви с российской армией. Могу признать, что и мы в Сербии заботимся о присутствии Церкви в армии и во всех общественно значимых учреждениях. Но в России это намного более выражено: всякий род войск имеет своего святого небесного покровителя, и нет казармы без храма и священника. Всякий солдат должен знать, кого и что он призван защищать. Русские солдаты – как православные верующие, так и мусульмане, буддисты или приверженцы какой-либо иной из многочисленных религиозных общин в России – знают важность и цену свободы. Священники им в этом подают пример, потому что, бок о бок с ними, присутствуют на военных учениях: на суше, в море и в воздухе. На Западе из-за этого даже выработали термин «ядерное Православие».

– Мы упомянули сохраняющуюся боязнь, что дух раскола продержится еще долго и даже будет углубляться в православном мире. Если эти страхи вызваны не избытком пессимизма, характерным для настроений, распространенных теперь в нашем народе, то как, позвольте выразиться прямо, объяснить слабость, которая делает Православие

бессильным перед коварным разрушительным действием вражеских сил?

– К пессимизму склонны мы, представители старшего поколения, но я не вижу этого ощущения у молодёжи – ни в моём непосредственном окружении, ни за его пределами. Считаю, что для нашего народа и для нашей Поместной Церкви нехарактерно увязывать воедино понятие церковного раскола и раскола в самом широком смысле этого слова.

Действительно, мы видим необходимость упрочивать согласие между сербами, но сам по себе термин «раскол» в бытовом и медийном жаргоне до этого использовался преимущественно для описания партийной фракционной борьбы или столкновений в коалиции из-за распределения мандатов, соперничества ради получении должностей в административных органах власти, преимуществ в сфере государственной добывающей отрасли или контроля над спортивными клубами. Изначально термин «раскол» или «схизма» (греч.) означает разделение, будь то в Церкви или вообще. Но сразу же скажу: в нашей Поместной Сербской Православной Церкви до тех пор, пока на сцену власти не вышли сербские коммунисты-титоисты, расколов никогда не было – никогда за, без малого, восемь столетий.

И расколы в нашей диаспоре в Америке, Австралии и Западной Европе, как, впрочем, и раскол в наших южных епархиях – на территории, которая с недавних пор называется Северной Македонией – спровоцировали коммунистические власти. Об этом свидетельствует заслуживающая доверия архивная документация. Уврачевание американского раскола случилось благодатью Божией, трудом и молитвами блаженнопочивших Патриарха Павла и митрополита Иринея (Ковачевича), а также многих священников и сербских семей, бежавших за океан сначала от усташских застенков, а затем от коммунистических расстрелов. О расколе в наших южных епархиях мы говорили несколько раз в прошлые годы. Повторим лишь самое важное: чтобы верующие могли приступать к дарованным нам Господом Святым Тайнам, там с 2002 года существует Церковь – Охридская Архиепископия, пользующаяся автономным статусом и пребывающая в органическом единстве с Сербской Церковью и всеми Православными Церквами.

Требуется объяснить, что церковный раскол означает нарушение единства Церкви по причинам, по крайней мере сначала, не имеющим доктринального характера. Так это было и в упомянутых нами случаях. Те люди нарушали единство Церкви не из-за различий в догматах, учении о Святых Таинствах и тому подобном. Чаще всего речь идёт о так называемом этнофилетизме, когда какая-то часть Поместной Церкви желает любой ценой достичь полной церковной самостоятельности или автокефалии на почве национальных различий или в связи с обретением государственного статуса. При этом раскольнический епископат так или иначе старается обмануть собственный народ, замалчивая тот факт, что раскольники не суть члены Вселенской Церкви и утверждая, будто дело в неких мелочных административных проблемах, чьей-то недоброй воле или

недоразумении. Но раскол не есть мелкая административная проблема, а вожди раскола совершают тяжкий грех, который, по учению Отцов Церкви, даже мученическая кровь, пролитая раскольником, смыть не может. Вожди раскола из своекорыстных побуждений отделяют от соборного богочеловеческого Тела Христова, от Церкви целые области и поколения. Как я сказал, поводами для уклонения в раскол могут служить мотивы, имеющие политическую или этнофилетическую подоплёку, но в духовном и психологическом смысле речь идёт о грехе гордыни.

Таковы же способ проявления и психологические причины и у того, что происходит сегодня в связи с церковно-политической идеологией Константинопольского Патриархата в вопросе о статусе Церкви на Украине. Напомню, что ещё до бесславно завершённого Собора на Крите был достигнут консенсус о способе провозглашения автокефалии. Этот консенсус основан на священных канонах и соборной структуре Церкви, и, в общих чертах, выглядит следующим образом: автокефалию предоставляет Константинопольский Патриархат, но от имени всей Церкви, а не от своего имени, в договоре с остальными Церквами, с согласия всех Первоиерархов, сообразно мнению возглавляемых ими Поместных Церквей. Томос об автокефалии подписывают, в соответствии с рангом и очередностью, все Патриархи и Предстоятели Церквей, а не только Патриарх Константинопольский.

Теперь у нас такая ситуация: Патриарх Константинопольский предоставил автокефалию не Украинской Православной Церкви, которая ее и не просила, а раскольническим группировкам, причем вопреки и её воле, и воле Русской Православной Церкви, чьей канонической территорией является Украина. По всем этим причинам наша Церковь предупредила и продолжает предупреждать, что нам грозит раскол, может быть, даже более тяжелый, чем возникший между Востоком и Западом в 1054 году.

Это, к сожалению, реальность, на которую мы не можем закрывать глаза. Вопрос: как бороться с политическим давлением, противостоять силе, которая презирает Бога? Вот так: кому-то, как архиепископу Иоанну, удается бороться – ценой тюремного заключения и здоровья, кому-то не удается, и он совершает страшный грех раскола, который нельзя смыть даже мученической кровью. У каждого имеется выбор. Наша Церковь, Церковь святого Саввы, свой выбор сделала. Мы не выступаем против своей материнской Церкви, Константинопольского Патриархата, для того, чтобы поддержать Московский Патриархат по причине славянской солидарности или в силу заинтересованности (как некоторые несправедливо нас обвиняют). Мы – за безусловную верность каноническому устройству Церкви и ее учению о себе самой, без каких-либо и чьих-либо вариаций на тему какого-то там «восточного папизма». Это значит следующее: ни за Москву против Константинополя, ни за Константинополь против Москвы! Только за Церковь Православную, чьему строю, к нашему огромному сожалению, теперь больше всего угрожают именно тактика и

стратегия Константинопольского Патриархата!

– Насколько приемлема и может ли быть эффективной инициатива Иерусалимского Патриархата о созыве всеправославного совещания по украинскому вопросу?

– Эта инициатива буквально боговдохновенна и спасительна. Наша Церковь с момента возникновения кризиса последовательно и решительно поддерживала эту идею. Большинство Церквей – за нее. Проблема в том, что Патриарх Константинопольский отказывается созвать такое совещание, зная, что на нем он окажется в меньшинстве, а некоторые грекоязычные Церкви, Элладская и Кипрская, например, отказываются участвовать во всеправославном собрании, созванном не Вселенским Патриархом как первым по рангу среди предстоятелей Православных Церквей.

Я лично считаю такую позицию неоправданной. Ситуация проста: если он не хочет, то есть и такие, кто хочет! Напомню, что из Вселенских Соборов прошлого два проведены в самом Константинополе, и ни на одном не председательствовал Константинопольский Патриарх. Его каноническое первенство в Церкви до сего дня никто не оспаривал, и даже если бы кто и хотел, никто не может его оспорить без нового Вселенского Собора. Однако существует благодатное первенство Иерусалима как «Матери всех Церквей», единственной Церкви, непосредственный Основатель которой – Сам Господь Христос, и поэтому я считаю, что Иерусалимский Патриарх имеет и моральное право, и обязанность созвать все Православные Церкви на совещание перед лицом таких вызовов и искушений.

– Недавним созданием автокефальной «Православной Церкви Украины», которая намерена действовать независимо от Московского Патриархата, в Православии открыт процесс создания новых неканонических самостоятельных Церквей. Осведомлённые благожелатели предупреждают нас: «После Украины Запад сейчас двинул силы на сражение в самое сердце православного христианства – на Балканы, против Сербской Православной Церкви». Насколько эти обстоятельства в самом деле ставят под угрозу Сербскую Православную Церковь, в особенности её Охридскую Архиепископию и Черногорско-Приморскую митрополию?

– Такие предупреждения, и кроме того, которое Вы имеете в виду, следует воспринимать как весьма благонамеренные. Сама битва, о которой идёт речь, между прочим, не новая. Это, прежде всего, не есть битва Запада с Востоком, то есть с русскими и, заодно, с сербами как всегда подозрительными «малыми русскими», хотя геополитическая компонента существует и никто её не скрывает: нарушая собственные принципы невмешательства государства во внутреннюю жизнь Церквей и религиозных организаций, высокие государственные эмиссары, по большей части

американцы, стали намного чаще посещать Фанар и Киев, а с недавних пор и Афины, Александрию и другие православные церковные центры.

Несмотря на постоянное поддержание антирусской истерии на Западе (а нам хорошо известно, что в связи с натовской агрессией против нас и многие западные политики мнимую «агрессивность» и «геноцидность» сербского народа истолковывали как следствие «православного фундаментализма»), западные общества, западные народы и их Церкви не являются генераторами нашего трагического взаимного недопонимания и разделений. В этом, по общему признанию, на самом деле замешаны некие могущественные круги алчных западных элит и квазиэлит, однако главная проблема – в нашем собственном духовном кризисе, в незрелости и безответственности многих среди нас, православных, включая и отдельных лиц, удостоенных наивысших чинов и занимающих самое выдающееся положение. Что бы кто нам мог сделать, будь мы последовательными, достойными наших предков и святых предшественников, верными духу, истине, этосу и историческому опыту собственной Церкви? Прав был великий Негош, когда сказал: «Будь враг чужой нам – не бояться, готов бы я над ним смеяться! Но горе нам – наш враг домашний, единокровный, брат вчерашний!»

У нас есть немало замечательных примеров из жизни всех Православных Церквей и изо всех времён. Вспомним, по крайней мере, наших Патриархов, священников, монахов и верующих только из XX века! Вспомним святого мученика Вукашина из Клепца, который мирно сказал убивавшему его усташу: «Дитя, делай своё дело!» Да и сегодня наш Патриарх, наш Архиерейский Собор и наш Синод пользуются безраздельным уважением и доверием и среди православных, и во всем христианском мире. Мы знаем, как высоко Патриарх Московский Кирилл ценит нашего Патриарха, знаем, что и Папа Франциск назвал его великим Патриархом. Импонируют и слова Архиепископа Кентерберийского о его личности. Спросим себя: откуда эта позитивная оценка? Потому ли, что Сербский Патриарх, а через него и Церковь, которую он возглавляет, занимает двусмысленную компромиссную позицию по известной формуле «одному богу молится, а другому кланяется»? Нет и ещё раз нет! Абсолютно наоборот: недвусмысленна, кристально ясна его и наша позиция по вопросу о кризисе соборности в Православной Церкви, об украинском церковном кризисе или о проблемах нашей Церкви на Косове и Метохии и в Черногории, о неотъемлемом праве нашего народа на свой южный край, а также на свободную и достойную человека жизнь в соседних странах. Всё сказано ясно, открыто и честно, просто и благочестно, по-христиански и по-человечески. Серьёзные люди это уважают даже тогда, когда они не согласны с позицией нашего Патриарха и нашей Церкви в целом. Однако, к сожалению, по той же самой причине отдельные политические и партийные круги у нас – через находящиеся у них на службе средства массовой информации, а по большей части и через отдельных лиц из церковной среды, движимых теми или иными мотивами, – нападают с критикой и на Патриарха, и на Синод, и на Церковь как таковую, при этом часто не подбирая слова.

Что касается угрозы для епархий Сербской Православной Церкви в Черногории, то ситуация изменились, и притом в худшую сторону. Главная опасность – больше не секта Мираша Дедеича, бывшего священника Константинопольского Патриархата, которого изверг из сана сам Патриарх Варфоломей, но угроза Мило Джукановича, человека некрещёного и неверующего, что он «создаст» некую новую – «Черногорскую» – Церковь, вероятно с какими-то новыми сценаристами и актёрами (может, и с Борисом Бойовичем, Львом Лайовичем и компанией). Это, разумеется, если и будет создано, не будет являться никакой Церковью. Церковь, однажды и навеки, создал её Божественный Основатель Иисус Христос, и ни один человек не может её основать. Впрочем, выражаясь богословски точно, и наш святитель Савва является не основателем Сербской Церкви (она существовала и до него), но её Предстоятелем в ранге автокефального Архиепископа, ставшим основоположником её автокефалии, т.е. церковной самостоятельности. С этим нельзя даже сравнивать новейший злокозненный замысел г. Джукановича и его камарильи, заключающийся в том, чтобы узаконенным беззаконием, нацеленным только и исключительно против нашей Церкви, запретить её существование, уничтожить её бытие, отнять её святыни и её имущество. Невзирая ни на кого и ни на что – ни на международное право, ни на заключение Венецианской комиссии, ни на призыв Римского Папы и православных Патриархов, ни на протесты собственных граждан, ни на заведомую определённость того, что применением насилия по отношению к Сербской Православной Церкви он вызовет ещё более глубокие разделения и столкновения в своей стране, ни – о, ужас! – на вероятность братоубийственных эксцессов с непредвиденными последствиями. Несмотря ни на что, надеюсь, что он остановится перед лицом зияющей пропасти – по крайней мере, ради себя самого и своего дальнейшего пребывания во власти.

Положение Церкви в Северной Македонии не менее сложное и тяжёлое. Эта территория усеяна памятниками династии Неманичей почти в той же степени, что и Косово с Метохией. Наша Церковь всегда была и остаётся готовой к тому, чтобы путём братского диалога с церковными структурами Скопье, которые находятся в уже полувековом расколе со всеми Православными Церквами, дойти до приемлемого для всех решения, основанного на началах многовекового канонического порядка. Диалог уже один раз принёс плод – Нишское соглашение о даровании тамошней Церкви самой широкой возможной степени автономии и о восстановлении литургического и канонического общения. К сожалению, братья-епископы из раскола (судя по всему, под давлением политиков) отказались от соглашения, за единственным благочестным исключением: митрополит Иоанн пожертвовал своей свободой и здоровьем, годами находясь в тюрьме, но всегда оставаясь на службе церковного единства. Сегодня он является каноническим и законным Предстоятелем автономной Охридской Архиепископии, которая имеет свой епископат, священников, монашество и верующих, а верующий народ не лишён духовной пищи, Божественной литургии, Крещения и остальных святых Таинств. Диалог был прерван, пока

длилось суровое гонение и тюремное заключение архиепископа Иоанна, а также притеснения Охридской Архиепископии в целом. Государственные власти Северной Македонии ещё не исполнили постановление Международного суда в Страсбурге, гласящее, что они должны уважать религиозную свободу граждан и зарегистрировать Охридскую Архиепископию, а архиепископ Иоанн ещё окончательно не освобождён от опасности нового суда. И, несмотря на всё это, наша братская рука по-прежнему протянута с тем же посланием, с которым мы обращались от начала: мы всё даём за Христа и за Церковь, а Христа и Церковь – ни за что, да будет благо и Сербии, и Северной Македонии, и всем, и повсюду!

В нашей Церкви немало тех, кто обеспокоен будущим Православия, а также тем фактом, что всё больше говорится о введении неопапизма, то есть устройства, за которым стоят Константинопольский Патриархат и Патриарх Варфоломей. Как на подобные явления смотрит Сербская Православная Церковь?

– За последние сто лет, со времён Патриарха Мелетия Метаксакиса до времени нынешнего Патриарха Варфоломея, действительно, и в теории, и на практике на берегах Босфора время от времени появляются признаки попыток утверждения «неопапизма» или «восточного папизма». Под этим я подразумеваю теорию о том, что Вселенский Патриарх – не только не первый по чести, но и первый по власти, то есть не «первый между равными» (primus inter pares), но «первый без равных» (*primus sine paribus*); что он «Предстоятель всецелого Православия», превознесённый над остальными автокефальными Патриархами и Предстоятелями; что Константинопольская Церковь – «Мать Православным Церквам» (причём «случайно» забывая, что все древние апостольские Церкви Востока и Римская Церковь на Западе старше её на целых три века); что Константинополь имеет право юрисдикции над всецелой православной диаспорой на свете; что он имеет право принимать жалобы (апелляции) из всех Церквей и принимать по ним решения самостоятельно и самовластно; что может вмешиваться во внутреннюю жизнь автокефальных Поместных Церквей без их желания и без их согласия, и так далее и тому подобное. В особенности я имею в виду проистекающую из этой теории практику, которая в наши дни показала себя на Украине, где раскольнические группировки признаны новой автокефальной Церковью, причём позиция канонической церкви, крупнейшей на Украине, вообще не принята во внимание, и всё это вместе вызвало великий раскол в Православии, крупнейший и тяжелейший за последнюю тысячу лет.

Я надеюсь, что он хотя бы не будет так долго длиться… Общественности известна официальная позиция нашей Церкви по поводу всего этого. Великую Церковь Христову в Константинополе мы без всяких возражений признаём первопрестольной Православной Церковью, а её честного Предстоятеля – первым по чести и по рангу среди православных епископов. Мы с любовью и благодарностью помним, что именно эта мученическая Церковь просветила нас светом Евангелия

Христова, что она, через Святую гору, возрастила нам Растко Неманича как святого Савву и что восемь веков назад через него даровала нам автокефалию. Одновременно мы признаём все полномочия Вселенского Патриархата, которые соответствуют вековому каноническому устройству Православной Церкви и её экклесиологии. Не признаём, между тем, приписанные ему в более позднее время «особые права», прерогативы и привилегии, которые выходят за рамки канонов. Устройство Православной Церкви основано на соборности, а не на обособленном и наделённом абсолютной властью Первом, что и является искушением папизма. Первый по рангу существует, но лишь внутри собора всех, он никоим образом не может быть вне или превыше собора. В этом контексте понятна и наша позиция по вопросу Церкви на Украине.

– Помнится, что в своё время Вы критически высказывались о методологии работы Критского собора. Четыре Поместные Церкви не участвовали в нём. Что бы Вы, спустя три года после тех событий, могли об этом сказать?

– То же, что и три года назад. Всё было на том соборе, но, к сожалению, было мало или вообще не было соборности. Не будем забывать: соборы суть плод соборности Церкви, в то время как соборность не есть только механическая рецепция и подтверждение состоявшихся соборов.

Критский Собор в моих глазах есть не что иное как упущенный исторический шанс свидетельства Православия *ad intra* и *ad extra*, перед Богом, Церковью и миром. Жаль усилий, потраченных на его полувековую мучительную, терпеливую подготовку и, рискую показаться нескромным, десятилетий моего личного участия в ней, а также и моего брата митрополита Амфилохия!

– Хотя Вы являетесь мишенью упомянутых атак, 2019 год для Вас был особенным годом. Недавно в Москве Патриарх Кирилл вручил Вам докторский наперсный крест, который, согласно русской церковной традиции, получают лица, удостоенные степени доктора богословских наук: в сентябре 2019 года Вы стали почетным доктором богословия Санкт-Петербургской духовной академии…

– От всей души благодарен Его Святейшеству Патриарху Московскому господину Кириллу, Санкт-Петербургской духовной академии и Русской Православной Церкви в целом за оказанную мне незаслуженную честь.

Источник: https://mospat.ru/ru/news/45775/